

О.А. Лавшук, Е.И. Сердюкова (г. Могилев, Беларусь)

МОТИВЫ И ОБРАЗЫ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ В ПОЭЗИИ КОНСТАНТИНА МИХЕЕВА

Несмотря на утрату аутентичности, миф не исчезает с современной авансцены. Он является фактом сознания современного человека, поскольку мифологические ориентиры не утратили своего значения и в настоящее время. Мифологическая рефлексия самым неожиданным образом реали-

зуется в сознании современного человека, и особенно – в сознании поэтического. Мотивы и образы античной мифологии пронизывают поэзию К. Михеева, каждое стихотворение которого насыщено культурными реалиями и метафорами. Сквозь призму античности Михеев воспринимает современность, и не случайно столь важную роль играет у него мифопоэтика, сращивающая настоящее и прошлое, служащая для воплощения универсальных понятий. Корпус стихов К. Михеева, в которых “присутствует античность”, выделяется во всем наследии поэта. Это и стихи, построенные на эпизодах из древней истории (“Елена, царица печальная”, “Мужи корабль снаряжают”, “Стансы к списку судов”), и автобиографические ситуации, представленные в античном антураже (“Продолжение «Одиссеи», «Не кончена поэма...”) и др.

В послании “Телемаху – с любовью и сожалением” К. Михеев восклицает: “Герои Греции! Прекрасен был ваш пыл...”. Неудивительно, что античные герои, античные мифы заполняют многие его стихотворения: “Стихи Мнемозине”, “Елена, царица печальная”, “Троянские плакальщицы”, цикл стихотворений “Ахилл”, “Лестригоны”, “Итака” и другие. Поэт свободно чувствует себя во времени и пространстве, осознавая свою принадлежность человеческой культуре в целом, независимо от времени и места действия, будь то Древняя Греция или современный Минск: *Иногда понимаешь, что остров, к которому плыв ты / девять лет, девятнадцать, а может быть, все девяносто, – / это вымысел, блеф, а реальность – бетонные плиты / перехода подземного...* [2, с. 55].

Исследуя античные аллюзии в поэзии Константина Михеева, следует учитывать, что его интерпретация мифов проходит через обращение к культуре древнего мифа как русских поэтов, так и французских, немецких и других западноевропейских модернистов. Именно поэтому художественные произведения русскоязычного поэта Беларуси К. Михеева превращаются в двухмерную конструкцию (античные мифы – поэзия русских и / или зарубежных модернистов – тексты Константина Михеева), что дает основание рассматривать его произведения как “двоичный текст”.

Так, например, стихотворение “Елена, царица печальная” уже своим заглавием и эпиграфом отсылает нас не только к древнегреческой мифологии, но и к творчеству Поля Валери. Елена, как пишет Н. Кун “была еще совсем юной девушкой, но слава о ее красоте гремела далеко по всей Греции” [1, с. 106]. К. Михееву удалось передать чистоту и трогательность ее образа: *Елена, царица печальная, / выходит на берег печальный, / где плачут белые чайки, / где белые гребни валов / ласкают горячую землю* [2, с. 126].

У Михеева обнаруживается не просто интерпретация древнейших сюжетов, а использование их в сложных диалогических целях, когда античный персонаж выражает разные комплексы чувств и мыслей. Культурный знак не иллюстрируется, а становится компонентом противоречивого, многослойного образа-переживания. Обращение к судьбе Ахилла, одного из героев троянской войны, выделяющегося и своей резко очерченной индивидуальностью, и своей трагической судьбой – собственная обреченность ему была заведомо известна, – обусловлено возможностью, с одной стороны, совершать выбор своего жизненного пути, а с другой – осознанием своей обреченности. Согласно мифу, Ахилл должен был сделать выбор: короткая и бурная жизнь героя или долгое, но незаметное существование. Образ героя, добровольно избравшего смерть, призывает к максимальной самореализации в бурном потоке жизни: *Коль отдан ты Танату, не перечь: / иной под небесами нету доли. / Пускай твоя ладонь сожмет до боли / не ножницы Судьбы, а ратный меч* [2, с. 136]. Это стихотворение – призыв идти “прямо и смело” навстречу судьбе: *Ступай, глаза насмешливо прищурь / без горечи, стыда и укоризны* [2, с. 137]. Таким образом, Ахилл изображен страдающим и мыслящим человеком, принадлежащим одновременно и античности, и современности.

Лирический герой стихотворения “Калипсо – в знак скорби и памяти” тоже делает свой выбор. Здесь мы наблюдаем трансформацию античного мифа, согласно которому Калипсо отпустила Одиссея против своей воли. У Михеева Одиссей решает уйти ранее мифологического срока: *Семь лет я верил в лик твой златозубый. / Я мог бы обождать до девяти, / как некогда, но знойных бризов трубы / пропели мне, что должен я уйти* [2, с. 139].

Для античного цикла стихотворений Константина Михеева характерно обращение и к мотиву странствия (“Мужи корабль снаряжают”, “Если парус расправлен, то нечего больше жалеть”, “Стансы к списку судов”, “Азиатского солнца отравленный мед...”). В основе названного мотива у поэта лежит разомкнутая концепция мира и времени:

*Этому миру навстречу впервые открою глаза я,
только лишь длани гребцов припадут к неисчислимым веслам.
Солнце языческой Азии, сердце лучами пронзая,
сгустком грядущих пожаров по венам бежит кровеносным.*

*Если есть парус холщовый и сосны отборного леса,
если от плуга к мечу потянулись упрямые пальцы,
воздух отчизны облек твое тело туникою Несса –
выстрой корабль для себя и отправься по свету скитаться!* [2, с. 128].

Лирический герой стихотворения “Мужи корабль снаряжают” призывает избавиться от оков замкнутого пространства и времени, построить ко-

рабль и отправиться в “свободное плавание”, навстречу неизвестности, которая таит в себе разочарования и удачи, горечь поражений и радость побед. К. Михеев, как и И. Бродский, мифологизирует время. Время внутри нас самих, внутри вещей, которые нас окружают, поскольку время является свойством существования (как, например, в стихотворении “Глаголы” мы сталкиваемся с одним из парадоксов Бродского: прошлого нет, будущее еще не существует, настоящее иллюзорно – где же тогда время?). Ответ дается метафорический, как и у Михеева: *Все сквозь меня течет, и не понять, / как я вместил мгновенья, толпы, лица* [2, с. 57].

Мотив странствия трансформируется в мотив пути, физическое движение незаметно превращается в метафизическое – жизненный путь человека:

*Минуя вскользь Гоморру и Содом,
любой из них идет к своей Голгофе,
проводником неведомым вedom.
Я преломляю хлеб. Я пью свой кофе
за здоровье того, кто в этот миг
своим путем шагает напрямик* [2, с. 57].

Следует отметить также в стихах К. Михеева многочисленные обращения к образу Одиссея. Трансформируясь и постепенно приобретая новое смысловое наполнение, этот образ возникает на протяжении всего творчества поэта (но это уже предмет другого исследования).

Анализ поэтического творчества Константина Михеева показывает, что он использовал такие типы мифологической рецепции, как непосредственное воспроизведение мифологических образов и сюжетов и творческая интерпретация античного текста в целях выражения индивидуального мировосприятия. Изучение античных образов и мотивов в его поэзии важно и в герменевтическом аспекте – как дающее возможность проникновения в иерархию смыслов, где глубинный слой, связанный с античной культурой, выводит к обобщениям универсального характера.

Литература:

1. Кун, Н.А. Легенды и мифы Древней Греции / Н.А. Кун. – Ростов-на-Дону: Мартин, 2008. – 480 с.
2. Михеев, К.Н. Стихи Мнемозине: Избранные стихотворения / К.Н. Михеев. – М.: Нов. знание, 2002. – 261 с.